

С ЧУТЬ ЗАМЕТНОЙ И НЕВЕСЁЛОЙ УСМЕШКОЙ

Можно сказать, что лирический герой Дмитрия Мурзина искущён жизнью и, в общем, не ждёт от неё ничего хорошего. Он смотрит на неё с чуть заметной и невесёлой усмешкой, он «медитативен», он всё делает «медленно и печально»:

*Я говорю столице: «Отпусти».
Вхожу в вагон, в котором места мало,
И лезу с головой под одеяло.
А поезд всё не может отойти
С какого-нибудь третьего пути
Ужасно-Ярославского вокзала.*

Это очень выигрышная лирическая позиция. Ибо она не только позволяет взглянуть на окружающих пристальным поэтическим взором, но ещё и художественно дистанцироваться от той действительности, которая, как правило, угнетает поэта своим неблагоприятием. Или, как принято ныне выражаться, своей безблагодатностью:

*Всё изменилось. В смысле – тот же свет,
Но я уже не тот. И ты иная.
Не рай земной, но ощущение рая.
Музыка сфер, вращение планет.
И шаг назад, но остаётся след.
Ах, если б жить, судьбы не разбирая,
Как будто существует жизнь вторая,
Или, как будто, даже первой – нет.*

Дмитрий Мурзин обладает острым зрением, чутким слухом, тонким, памятьливым обонянием. Его стихи о детстве («Одесса. Лето 1977», с. 10) не могут не запомниться точными приметам юга, запахами моря, ощущением «первичности бытия». Но одновременно в эту «внеисторическую» идиллию вторгается позднейшее горькое знание:

*...Я бросал в прилив возвращенья медь,
не предчувствуя крах державы.*

Такой же плотностью деталей и вообще обилием физической жизни (которая выступает как ипостась незримых духовных усилий) насыщен цикл «Кузнецкий Алатау». Здесь ус-

ловный этнографический романтизм окрашен в мужественные, «хемингуэевские» тона.

Мне кажется, что Мурзину угрожает порой некоторая инерция стиля, когда за многочисленными, хотя и точно увиденными, деталями пропадает ощущение лирического целого, убывает внутренняя необходимость, исчезает «причина песнопенья». А несомненная удача приходит тогда, когда лаконичная стихотворная форма таит в себе глубокое ментальное содержание:

*Носитель языка, чтоб уберечь язык,
Бежит из той страны, язык которой носит.
Настали времена и взяли за кадык,
И вот родная речь молчит, пощады просит.*

*Молчание всегда срывается на крик,
Изъята буква «ять», де-факто и де-юре.
И в колченогий стиль, как косточка в язык,
Войдёт порок и бич, бред-аббревиатура.
По планам ГОЭРЛО, ВКП(б), ЧК –
Пойди-ка разбери, что истинно, что ложно.
И, сгорбившись, идёт носитель языка –
И ноша тяжела, и бросить невозможно.*

Будем надеяться, что эта ноша окажется Дмитрию Мурзину по плечу.

Игорь ВОЛГИН, Москва